

МИНОРИТАРНЫЕ ЯЗЫКИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

УДК 81.16'282.3

Н.Н. Германова

СТАНДАРТИЗАЦИЯ МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ: ПРОБЛЕМЫ ГРАФИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ)

*Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия nata-germanova@yandex.ru*

Аннотация. В статье на материале трех миноритарных языков Великобритании (ольстерского шотландского, корнского, скотс) рассматриваются проблемы разработки письменных стандартов современных миноритарных языков. Показано, что поскольку разработка орфографических правил требует достижения баланса между противоречащими друг другу принципами, конструирование письменного стандарта является результатом социально-лингвистической инженерии. Поэтому необходимым условием успеха является участие в процессе стандартизации официальных структур и общественных организаций.

Ключевые слова: стандартизация; графизация; орфография; миноритарный язык; ольстерский шотландский язык; язык скотс, корнский язык.

Поступила: 23.01.2018

Принята к печати: 15.03.2018

N.N. Guermanova

Standardizing minority languages: Problems of graphisation (On the example of Ulster Scots, Scots and Cornish)

*Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Moscow State Linguistic University»
Moscow, Russia, nata-germanova@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the problems arising in the course of graphisation of modern minority languages on the example of three minority languages of Great Britain (Ulster Scots, Cornish and Scots). As working out orthographic rules requires a balance between principles, which often contradict each other, constructing a written standard is a result of socio-linguistic engineering. Consequently, the necessary condition of success is active participation in standardization of official structures and public organizations.

Keywords: standardization; graphisation; orthography; minority language; Ulster Scots; Scots; Cornish.

Received: 21.01.2018

Accepted: 15.03.2018

Графизация, т.е. создание письменности или приспособление существующей письменности для ранее бесписьменных языков, является необходимым условием сохранения и возрождения миноритарных языков. В настоящей статье речь пойдет о тех проблемах внутреннего и внешнего характера, с которыми приходится сталкиваться лингвистам, выбирающим графическую основу миноритарного языка и устанавливающим его орфографические и пунктуационные правила, с одной стороны, и общественным организациям, проводящим в жизнь орфографические реформы – с другой. В терминах, предложенных Э. Хаугеном, речь пойдет о таких этапах стандартизации, как селекция, кодификация и имплементация [Haugen, 1983].

Эти проблемы будут рассмотрены на материале миноритарных языков Великобритании. Обращение к современному опыту языкового строительства Великобритании не случайно: на территории Великобритании существуют, по крайней мере, три языка, для которых проблема создания и распространения письменного стандарта является весьма актуальной: это шотландский язык скотс¹, ольстерский шотландский язык и корнский (корнуолльский) язык. Великобритания, ратифицировав Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств, взяла на себя обязательство поддерживать эти миноритарные языки (наряду с валлийским, ирландским, гаэльским и мэнским языками); необходимым условием такой поддержки является расширение сферы их письменного употребления.

О значимости графизации свидетельствует тот факт, что наличие или отсутствие письменности было положено лингвистами в основу ряда социолингвистических типологий языков мира. Так, в

¹ В лингвистической литературе оборот «шотландский язык» может относиться к двум совершенно разным и даже не близкородственным идиомам: кельтскому гаэльскому (гэльскому) языку и западногерманскому языку скотс (Scots), употребляемому в равнинной части Шотландии и до последнего времени считавшемуся региональным вариантом английского языка. Во избежание путаницы я буду обозначать соответствующие языковые образования как гаэльский язык и язык скотс. – *Прим. авт.*

отечественной социолингвистике получило распространение деление языков с учетом давности письменной традиции на древнеписьменные, старописьменные, младописьменные и новописьменные. В англоязычной социолингвистике известна классификация языков Ч. Фергюсона, делившего языки на четыре типа по объему и характеру использования письменности: W0 – W1 – W2 – W3. Обозначение W0 относится к бесписьменным языкам, W1 обозначает языки, в которых письмо служит «для обычных целей», под чем понимается использование языка в переписке и периодических изданиях, а также публикация на нем непереводаемой литературы; W2 – языки, на которых регулярно публикуются оригинальные тексты в области физических наук, W3 – языки, на которых публикуются переводы и резюме научных работ с других языков [Ferguson, 1962].

Ч. Фергюсон рассматривал графизацию наряду со стандартизацией и модернизацией как часть планирования корпуса языка [Ferguson, 1996]; на наш взгляд, было бы правильнее рассматривать графизацию как важнейшую часть стандартизации, без которой все усилия по нормированию грамматики, а также расширению и интеллектуализации лексического запаса обречены на неудачу. В результате графизации появляется письменная разновидность языка, которая развивается медленнее устной речи, воспринимается носителями языка как его наиболее престижная форма и служит базой для выработки единых норм. Появление письма приводит к переоценке форм существования языка: формируется представление, что именно письмо является «правильным» языком, а устная речь представляет собой его искажение [Хауген, 1975]. Соответственно, сложившаяся письменность, с одной стороны, в известной мере отражает устную речь языкового коллектива, а с другой – оказывает на нее воздействие.

Наличие письменного стандарта играет немаловажную роль в самоидентификации носителей миноритарного языка. Общность языка подчеркивает, усиливает, а нередко и создает групповую идентичность, и нередко именно письменные тексты очерчивают границы миноритарного языка и «фокусируют» его в диалектном континууме. Наличие письменности имеет, таким образом, и психологическую значимость как для носителей миноритарного языка, так и для окружающих, существенно повышая престиж мино-

ритарного языка в глазах общества и способствуя укреплению этнического самосознания.

Между тем разработка письменных стандартов миноритарных языков сталкивается с серьезными проблемами как собственно лингвистического, так и социального характера. Что касается «внутренней», т.е. собственно лингвистической стороны графизации, то необходимо отметить, что при разработке новых алфавитов или, что бывает чаще, при приспособлении старых алфавитов к ранее бесписьменным языкам, а также при выработке правил орфографии лингвистам приходится решать множество сложных вопросов, связанных с изучением фонологического строя языка, определением состава аллофонов, установлением соотношения письменной и устной речи и т.п.

При этом лингвисты вынуждены учитывать ряд критериев, вступающих друг с другом в противоречие. С одной стороны, предлагаемая орфография должна быть эффективной, т.е. относительно простой для пользователей, с другой – достаточно хорошо передавать фонетические и морфосинтаксические особенности языка; желательно, чтобы она сохраняла преемственность с древними формами письменности (если письменная традиция имела, но по ряду причин была прервана) или с письменностью родственных языков, в то же время – и нередко именно это соображение выходит на первый план – она должна подчеркивать своеобразие данного языкового идиома, зримо противопоставляя его другим близкородственным языкам; последнее соображение особенно важно в том случае, если, как это часто бывает, миноритарному языку важно закрепить за собой статус отдельного языка, а не диалекта, которым он до последнего времени считался.

Эти требования трудно привести в гармонию. Так, относительную простоту может обеспечить фонологический принцип орфографии, при котором буквы обозначают не аллофоны, а фонемы; однако при таком подходе не удастся в полной мере отразить своеобразие фонетического строя языка, который нередко ярче, чем грамматика, отличает родственные идиомы друг от друга.

Проблему дифференциации языков решает фонетический принцип, при котором аллофоны обозначаются разными буквами, диграфами или диакритическими знаками, однако при последовательной реализации этого принципа письмо рискует стать слиш-

ком трудным для рядовых пользователей, приближаясь к фонетической транскрипции.

Кроме того, миноритарные языки, как правило, не имеют единой нормы и представлены, по крайней мере на раннем этапе стандартизации, рядом родственных диалектов, и фонетический принцип, отражая произносительные тонкости одного из них, невольно ставит данный диалект выше остальных, что может вызвать недовольство носителей других диалектов. В эпоху политической корректности доминирование диалекта, послужившего основой графизации, над другими родственными диалектами считается таким же недопустимым, как ограничение функций миноритарного языка под давлением коммуникативно мощного языка. Стремясь соблюсти равенство всех диалектов, лингвисты нередко подчеркивают, что единообразие письменного стандарта не должно ограничивать вариативность произношения; при таком подходе тщательная передача произносительных оттенков фактически теряет смысл.

Использование этимологического (исторического) принципа за счет сохранения архаичных написаний может подчеркнуть исторические корни языка и акцентировать его связи с родственными языками¹ или, в случае разрыва письменной традиции, оживить память о периоде культурного расцвета этноса. Этот принцип также может примирить носителей разных диалектов: при реализации исторического принципа написание слова может расходиться с его произношением, превращаясь (до определенной степени) в условный знак, приемлемый для говорящих на разных диалектах.

Однако чаще лингвисты, занимающиеся стандартизацией миноритарного языка, озабочены тем, чтобы наглядно подчеркнуть его отличие от доминирующего в данном регионе языка, так что для них на первый план выходит принцип дифференциации. Его в известном смысле можно назвать символическим – написание слова должно символизировать разрыв с доминирующим языком, даже если их произношение совпадает.

В результате орфография миноритарных языков часто представляет собой смешение, нередко весьма непоследовательное, различных орфографических принципов. Последнее обстоятельство

¹ Указание за счет этимологических написаний на латинские истоки оказывается важным для практики графизации романских языков [Чельшева, 2010]. – *Прим. авт.*

во можно проиллюстрировать, обратившись к орфографическому стандарту ольстерского шотландского языка.

Ольстерский шотландский, известный также как *Ullans*, употребляется в Ольстере с XVII в., преимущественно в устной форме. В XVIII–XIX вв. на нем существовала поэтическая традиция, однако к началу XX в. ольстерский шотландский сохранился лишь в устной обиходной речи. Сейчас на нем, по оценкам специалистов, говорят около 100 тыс. человек. Хотя ольстерский шотландский был признан правительством Великобритании и Европейским бюро менее признанных языков (EBLUL) отдельным языком, его статус по-прежнему вызывает споры. Против признания его отдельным языком выступают не только британские, но и многие шотландские лингвисты, рассматривающие его как региональный вариант шотландского языка. Для поддержки ольстерского шотландского была создана Ольстерская шотландская академия (*Ulster-Scots Academy*), одной из задач которой является разработка письменного стандарта ольстерского шотландского языка [Архипова, 2017].

Как поясняют разработчики этого стандарта И. Хербисон, Ф. Робинсон и А. Смит, их рекомендации учитывают современные написания, получившие распространение в последние десятилетия; написания, зафиксированные в словарях ольстерского шотландского; написания, характерные для шотландского языка (скотс); архаичные орфограммы из письменных памятников прошлого, написания, отражающие особенности местного произношения и, наконец, предложения самих разработчиков данного орфоэпического стандарта [Herbison et al., 2013].

Так, к примеру, буквосочетание *quh-*, которое предлагается сохранить в таких частотных союзах и местоимениях, как *quha* (*who*); *quhat* (*what*); *quhar* (*where*); *quhan* (*when*); *quhy* (*why*), зафиксировано в литературных текстах на ольстерском шотландском языке XVII в.; оно отражает особенности произношения того времени. Эти написания рекомендуются для книжного или формального стиля современного ольстерского шотландского; в текстах неформального характера предлагается употреблять варианты *wha* (*who*); *whut* (*what*); *whar* / *whaur* (*where*); *whan* (*when*) и *why*.

Достаточно последовательно применяется фонетический принцип: так, опущение конечного *ll*, характерное для шотландского языка Великобритании и Ольстера, находит отражение в написаниях *aa* (*all*); *caa* (*call*); *baa* (*ball*); *waa* (*wall*), *faa* (*fall*); орфо-

граммы *fin* (*find*) и *blin* (*blind*) отражают опущение конечного согласного и т.п. Для того, чтобы указать на своеобразное произношение согласных *t* и *d*, в позиции перед *-er* рекомендуется ставить диакритику над следующей за ними гласной *bettèr* (*better*), *eftèr* (*after*), *dennèr* (*dinner*), *lettèr* (*letter*).

Яркой особенностью ольстерского шотландского является написание определенного артикля как *tha*. Разработчики орфографического стандарта полагают, что оно необходимо, чтобы артикль не совпал с местоимением *they*, которое в ольстерском шотландском пишется как *the*; их критики указывают, что эта орфограмма противоречит этимологии: в средневековых текстах *tha* означало *they* или *those*.

Предлагаемый орфографический стандарт получил определенную поддержку, преимущественно в официальной сфере. Однако критики называют предлагаемые написания «искусственными», «эзотерическими», «противоречащими интуиции носителей языка», «неуклюжими», «вводящими в заблуждение». Впрочем, хотя многие предлагаемые варианты действительно выглядят непривычно, новый письменный стандарт успешно выполняет возлагаемую на него символическую функцию отделения ольстерского шотландского от родственных ему языковых идиомов (прежде всего, английского и скотс), чему в конечном счете способствуют и исторический, и фонетический принципы орфографии [Германова, 2015]. Время покажет, удастся ли ему вызвать у жителей Ольстера чувство языковой лояльности, став эффективным средством этнической самоидентификации.

Как было отмечено выше, наряду с собственно лингвистическими проблемами, создание письменности и проведение орфографических реформ представляет собой серьезную общественную проблему: мало выбрать алфавит, дополнив его для передачи местных акцентов диакритическими знаками, диграфами, триграфами и т.п., а также разработать правила орфографии и пунктуации, необходимо также убедить общество принять эти нововведения. Внедрение письменных стандартов требует активного участия официальных структур и общественных организаций: это подчеркивает значимость той составляющей стандартизации, которую Э. Хауген назвал имплементацией [Haugen, 1983].

Парадоксальным образом, успешному проведению орфографических реформ иногда способствует отсутствие письменной

традиции или ее прерывистость. В этом плане интересно сравнить историю стандартизации письменного корнского и шотландского (скотс) языков.

Что касается корнского (корнуольского) языка, насчитывающего на настоящий момент едва ли более 3500 носителей, ни для кого из которых он не является родным, то в 2008 г. правительственным структурам удалось достаточно успешно провести орфографическую реформу, положившую в конечном счете конец долгой истории лингвистических «сражений» за облик письменного корнского языка.

Корнский язык, оставшийся до XVIII в. средством устного общения на полуострове Корнуолл, имел в прошлом достаточно сильную письменную традицию. Наиболее значительные произведения (религиозные драмы, а также светская и духовная лирика) были созданы на протяжении Средневековья. Активный упадок письменного корнского языка начался в XVI в., когда жителям Корнуолла было отказано в проведении богослужений на родном языке и в переводе на него Библии. В первой половине XVIII в. корнский еще оставался разговорным языком, хотя число его носителей стремительно сокращалось, так что к XIX в. этот древний кельтский язык потерял своих последних естественных носителей. В результате в XX в. судьба корнского языка оказалась полностью в руках филологов-энтузиастов, которые предприняли попытки его возрождения, прежде всего в письменной сфере.

На протяжении последнего столетия было предложено несколько вариантов воссоздания корнского языка и письменности. Первый вариант (*Unified Cornish*) был реконструирован группой филологов под руководством М. Нэнса на основе сохранившихся текстов на среднекорнском языке. В 80-е годы, однако, реконструкция корнского языка М. Нэнса, основанная на средневековых источниках, подверглась критике: ряд филологов предложили взять за основу самый поздний вариант корнского языка, сохранившийся в XVII–XVIII вв. Они, в частности, предлагали существенно упростить орфографию, максимально приблизив ее к произношению. Наибольшее число сторонников, однако, набрал вариант *Kernewek Kemmyn*, предложенный океанографом и лингвистом-любителем Кеном Джорджем, также основанный на средневековых текстах, но использовавший упрощенную орфографию, основанную на фонологическом принципе; однако и этот вариант имел своих противников.

В результате к началу XXI в. сложилось несколько вариантов корнского языка, употреблявшихся параллельно. Следует подчеркнуть, что в данном случае речь не идет об историческом диалектном членении корнского языка: все варианты, различавшиеся произношением, грамматикой, лексикой и правилами орфографии, были филологическими реконструкциями корнского языка и в равной мере не имели живых носителей; их создатели опирались на тексты различных исторических эпох, привлекали материалы родственных корнскому бретонского и валлийского языков, или, напротив, данные сельских, рыбацких и шахтерских диалектов XVIII в.

В конце XX в. Великобритания, подписавшая Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств, взяла на себя обязательства по поддержке ряда миноритарных языков, в том числе и корнского языка. Ратификация Хартии в начале XXI в. усилила давление Совета Европы на государственные органы, ответственные за реализацию соответствующих программ и подотчетные, в том числе и финансово, Совету Европы, что ускорило принятие единой орфографии корнского языка.

Подготовка орфографической реформы велась с 2005 по 2008 г. специально созданным общественным органом *Cornish Language Partnership (Maga Kernow)* и завершилась принятием Стандартной письменной формы (*The Standard Written Form* или *SWF*). Задачей этой реформы было обеспечить общественные органы и образовательную систему «общепринятой, инклюзивной и нейтральной орфографией», и, по общему мнению, эта задача была выполнена, так что в детских садах и начальной школе появились специально подготовленные учебные материалы на корнском языке, а в Интернете был создан двуязычный сайт с использованием корнского языка. В 2013 г. в *SWF* были внесены незначительные изменения с целью дальнейшего упрощения орфографии. Таким образом, в случае с корнским языком волевое решение официальных органов дало положительные результаты [Sayers, 2012].

По-другому складывается ситуация с языком скотс, также в настоящее время признанным отдельным языком Великобритании [о языковой ситуации в Шотландии см. подробнее: Раренко, 2015]. В отличие от корнского языка, традиция употребления этого северогерманского языка как в устной, так и письменной форме на территории Шотландии никогда не прерывалась; на скотс в течение уже шести веков существует художественная литература, са-

мыми знаменитыми представителями которой являются поэты Роберт Бернс (XVIII в.) и Хью Мак-Диармид, один из ключевых представителей шотландского Возрождения (XX в.). Однако шотландский язык так и не прошел процесса «фокусирования», будучи представленным рядом социолингвистических вариантов, в большей или меньшей степени отличающихся от английского языка Великобритании и от так называемого «стандартного шотландского английского» (*Standard Scottish English*); последний является региональным вариантом английского языка. По сути, речь идет о существовании языкового континуума, в котором стандартный скотс занимает переходную позицию между нелитературными диалектами, с одной стороны, и предельно приближенным к английскому языку стандартным шотландским английским – с другой. В целом речь большинства говорящих обнаруживает невысокую частотность лексических и грамматических шотландизмов; этот тип получил название *thin Scots*. Поэтому далеко не все жители Шотландии воспринимают скотс как отдельный язык: по данным опроса 2009–2010 гг., около 64% шотландцев считают, что скотс не является отдельным языком; при этом 85% опрошенных указали, что они говорят на скотс, а 67% высказались за то, чтобы скотс продолжал использоваться в Шотландии [Раренко, 2015].

Своего рода континуум представлен и в сфере орфографии. Несмотря на многовековую литературную традицию (или, напротив, благодаря ей), общепринятой орфографии скотс не существует. Авторы, пишущие на скотс, от литераторов до лингвистов, используют разнообразные написания: одни отдают предпочтение историческим написаниям, встречающимся в поэзии Бернса; другие изобретают собственные орфограммы, нередко руководствуясь исключительно желанием обособить скотс от английского языка, не обязательно руководствуясь произношением, третьи, напротив, стремятся отразить на письме произносительные особенности скотс [Unger, 2013; McClure, 1996; Bann, 2013].

Более того, непоследовательность в орфографии нередко присутствует даже в текстах одного автора. Это характерно, например, для поэтических текстов Х. Мак-Диармида: так, слово *good* встречается в его произведениях в написаниях *guid*, *gude* и *good*, написание *change* чередуется с *cheenge*, *death* – с *daith* [Bann, 2015]. Подобный разноречивый характерен и для современных средств массовой информации: «Существует мало свидетельств тому, что

газеты активно стремятся стандартизировать скотс или хотя бы написание отдельных лексем, что, как можно было бы полагать, повысило бы как профиль газет, так и этого варианта языка» [Douglas, 2009, p. 140]. Даже наиболее авторитетные словари языка скотс: *Scottish National Dictionary*, *Dictionary of older Scottish Tongue*, *Dictionary of Scots Language*, *Concise Scots Dictionary* – предлагают целый ряд орфографических вариантов для одной лексической единицы, не рекомендуя ни один вариант в качестве образцового. Например, *Dictionary of older Scottish Tongue* предлагает четыре орфографических варианта слова «школа»: school – scule – scuill – scuill; *Concise Scots Dictionary* дает четыре варианта слова «хлеб»: bread, breid, brede, braid.

Попытки выработать единую орфографию для скотс, конечно, предпринимались. В 1947 г. был составлен *Scots Style Sheet* с орфографическими рекомендациями, однако он не был безоговорочно принят общественностью. В 1996 г. общество *Scots Language Society* организовало Комитет по проведению орфографической реформы (*the Scots Spelling Committee*). Члены Комитета, как и ранее составители *Scots Style Sheet*, исходили из «минималистического принципа»: по их мнению, для того чтобы тексты на скотс были понятны широкой аудитории, они не должны радикально отличаться от текстов на английском языке, следует также широко использовать исторические написания, встречавшиеся в литературе прошлого. Для слов, общих для скотс и английского языка, предлагалось сохранить английскую орфографию, за исключением случаев, когда слово приобрело в скотс новое значение.

Многие патриотически настроенные писатели и лингвисты, однако, придерживаются «максималистского подхода» и настаивают на фундаментальной реформе, полагая, что последовательная опора на фонологический принцип сделает орфографию системной, будет отражать особенности фонетического строя скотс, наглядно противопоставит скотс английскому языку; в итоге, она имеет шанс со временем быть принятой общественностью [McLure, 1996]. Следует признать, что предлагаемый «максималистами» вариант действительно выглядит весьма непривычно. Вот несколько примеров: *wei* (*we*), *miyls* (*miles*), *liy* (*lie*), *haem* (*home*), *daem* (*dame*), *hir* (*her*), *hit* (*it*), *vraeth* (*wrath*), *keip* (*keep*), *hapy* (*happy*), *mosis* (*mosses*), *gaet* (*gate*), *meit* (*meet*), *hous* (*house*), *guid* (*good*) [McLure, 1996, p. 29–34].

В итоге единый орфографический стандарт для скотс так и не был внедрен в общую практику. Отсутствие письменного стандарта является существенным препятствием для продвижения скотс в систему образования. Хотя шотландское правительство поощряет использование скотс в системе образования¹, в настоящее время сведения о скотс даются учащимся преимущественно в рамках курсов по литературе и английскому языку; существуют также факультативные курсы по изучению скотс (как в Шотландии, так и за ее пределами). Разработано несколько «линеек» учебников скотс и антологий литературы на этом языке для разных этапов обучения², однако их использование является факультативным, тем более что большинство учителей не являются носителями скотс. Академическое изучение скотс ведется в шотландских университетах. Существуют также различные он-лайн ресурсы для изучения скотс, например открытый в 2013 г. интернет-ресурс *Studying Scotland*. В контексте данной статьи наибольший интерес представляет *The Online Scots Dictionary*: в отличие от других словарей, он дает только одно написание для каждого слова и обосновывает свои рекомендации детальным описанием избранных для данной работы орфографических правил.

Выработка письменных стандартов для современных миноритарных языков демонстрирует определенные отступления от постулируемых Э. Хаугеном этапов стандартизации: вместо селекции исторически сложившегося варианта нередко имеет место не отбор из числа существующих форм, но конструирование нового искусственного стандарта, который является не итогом длительного стихийного отбора языковых форм, но результатом своего рода «социально-лингвистической инженерии». В этих условиях особое значение приобретает этап «имплементации», т.е. практической реализации программы по распространению стандарта в обществе: успех или провал графизации миноритарного языка во многом зависит от сознательных усилий общества по ее продвижению.

¹ См. *Scots Language Policy* – документ, принятый шотландским правительством в 2015 г. для определения приоритетных направлений государственной поддержки скотс. – *Прим. авт.*

² Сведения об учебных пособиях и курсах скотс можно найти на сайте *Scots Language Centre*. – *Mode of access*: (<https://www.scotslanguage.com>). – *Прим. авт.*

Список литературы

1. *Архипова Л.С.* Этнолингвистическая витальность миноритарных языков Европы: (На материале ольстерского шотландского языка) // Вестн. МГЛУ. Гуманитарные науки. – М., 2017. – № 6 (777). – С. 227–238.
2. *Германова Н.Н.* Дискуссия социальных конструктивистов и примордиалистов и проблемы миноритарных языков Европы: (На примере ольстерского шотландского языка) // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 21: Управление (государство и общество). – М., 2015. – № 1. – С. 30–42.
3. *Раренко М.Б.* Языковая ситуация в современной Шотландии // Языковая ситуация в Европе начала XXI века. – М., 2015. – С. 84–101.
4. *Чельшьева И.И.* Миноритарные романские языки и проблема языковой нормы // Вопр. филологии. – М., 2010. – № 1 (34). – С. 53–59.
5. *Хауген Э.* Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. – М., 1975. – Вып. 7: Социолингвистика. – С. 441–472.
6. *Bann J.* Spelling Scots. – Edinburgh: Edinburgh univ. Press, 2015. – 192 p.
7. *Douglas F.* Scottish newspapers, language and identity. – Edinburgh: Edinburgh univ. press, 2009. – 188 p.
8. *Ferguson Ch. A.* The language factor in national development // Anthropological linguistics. – 1962. – N 4 (1). – P. 23–27.
9. *Ferguson Ch. A.* Sociolinguistic perspectives: Papers on language in society, 1959–1994. – Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 1996. – 360 p.
10. *Haugen E.* The implementation of corpus planning: Theory and practice // Progress in language planning: International perspectives. – B.: de Gruyter, 1983. – P. 269–289.
11. *Herbison I., Robinson P., Smyth A.* Ulster-Scots spelling and pronunciation guide. – Belfast: Ullans press, 2013. – 46 p.
12. *McClure J.D.* Scots and its literature. – Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1996. – 218 p.
13. *Sayers D.* Standardising Cornish: The politics of a new minority language // Lang. problems a. lang. planning. – 2012. – N 36 (2). – P. 99–119.
14. *Unger J.W.* The Discursive construction of the Scots language: Education, politics a. everyday life. – Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2013. – 178 p.

References

1. *Arhipova L.S.* Jetnolingvističeskaja vital'nost' minoritarnyh jazykov Evropy: (Na materiale ol'sterskogo shotlandskogo jazyka) // Vestn. MGLU. Gumanitarnye nauki. – M., 2017 – N 6 (777). – S. 227–238.
2. *Germanova N.N.* Diskussija social'nyh konstruktivistov i primordialistov i problemy minoritarnyh jazykov Evropy: (Na primere ol'sterskogo shotlandskogo jazyka) // Vestn. Mosk. gos. un-ta. Ser. 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshhestvo). – 2015. – N 1. – S 30–42.

3. *Rarenko M.B.* Jazykovaja situacija v sovremennoj Šotlandii // Jazykovaja situacija v Evrope nachala XXI veka. – M., 2015. – S. 84–101.
4. *Chelysheva I.I.* Minoritarnye romanskije jazyki i problema jazykovoj normy // Voprosy filologii. – M., 2010. – N 1 (34). – S. 53–59.
5. *Haugen Je.* Lingvistika i jazykovoje planirovanie // Novoe v lingvistike. – M., 1975. – Вып. 7: Sociolingvistika. – S. 441–472.
6. *Bann J.* Spelling Scots. – Edinburgh: Edinburgh University press, 2015. – 192 p.
7. *Douglas F.* Scottish Newspapers, Language and Identity. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. – 188 p.
8. *Ferguson Ch. A.* The language factor in national development // Anthropological Linguistics. – 1962. – N 4 (1). – P. 23–27.
9. *Ferguson Ch. A.* Sociolinguistic perspectives: Papers on language in society, 1959–1994. – Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 1996. – 360 p.
10. *Haugen E.* The implementation of corpus planning: Theory and practice // Progress in language planning: International perspectives. – B.: de Gruyter, 1983. – P. 269–289.
11. *Herbison I., Robinson P., Smyth A.* Ulster-Scots spelling and pronunciation guide. – Belfast: Ullans press, 2013. – 46 p.
12. *McClure J.D.* Scots and its literature. – Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1996. – 218 p.
13. *Sayers D.* Standardising Cornish: The politics of a new minority language // Lang. problems a. lang. planning. – 2012. – N 36 (2). – P. 99–119.
14. *Unger J.W.* The discursive construction of the Scots language: Education, politics a. everyday life. – Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2013. – 178 p.